

М. В. Шкаровский

ОБЩИНА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА ЛЕНИНГРАДА В 1941–1945 ГГ.

К началу Великой Отечественной войны Спасо-Преображенский собор был главным храмом обновленческой Ленинградской епархии. В период блокады города члены его общины честно исполняли патриотический долг. Они звали людей на ратные и трудовые подвиги, собирали средства для раненых воинов, в фонд обороны и т. д. Многие священно- и церковнослужители собора умерли от голода. В апреле 1943 г. обновленцев Ленинграда возглавил «епископ» Сергей Румянцев. Сообщение о приеме Сталиным в сентябре 1943 г. трех митрополитов — руководителей Московского Патриархата, вызвало у ленинградских обновленцев чувство растерянности. Постепенно в общине Преображенского собора началось все нараставшее движение за переход в Патриархат. Воссоединение принесшей покаяние общины произошел 8–9 января 1944 г. К полному снятию блокады города произошло объединение всех его православных общин в лоне канонической Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, обновленчество, Спасо-Преображенский собор, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда.

К началу Великой Отечественной войны Спасо-Преображенский собор был главным храмом обновленческой Ленинградской епархии¹. С 4 апреля 1938 г. в ней не было правящего архиерея, а епархией временно управлял настоятель собора протопресвитер Алексей Абакумов. С первых дней войны обновленческая Церковь, как и Московский Патриархат, заняла ясно выраженную позицию. Уже 22 июня 1941 г. ее первоиерарх «митрополит» Виталий (Введенский) и заместитель первоиерарха «митрополит» Александр Введенский выпустили яркое патриотическое воззвание [Левитин, Шавров, 1978, 376; ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–10].

Духовенство обновленческих храмов все годы войны честно исполняло патриотический долг. Оно звало людей на ратные и трудовые подвиги, собирало средства для раненых воинов, в фонд обороны и т. д. О том, как в Спасо-Преображенском соборе узнали о начале войны, сохранила яркие воспоминания Мария Васильевна Долгинская, певшая в его хоре с 1936 г.: «Воскресенье 22 июня 1941 года. Ясный, жаркий, солнечный день. Как обычно в 10 часов утра начинается Божественная литургия. Совершает литургию о. протоиерей Павел Фруктовский, диакон о. Иоанн Долгинский. Поет большой хор под управлением А. Ф. Шишкина. Полный храм молящихся. После концерта, пропетого перед причастием, А. Ф. Шишкин выходит на улицу проветриться, но через несколько минут возвращается бледный как полотно, и с обычным своим обращением говорит: „Братцы, война“. Описать переживания хора невозможно. Кто верит, кто не верит. Но еще несколько человек хористов подтвердили, что „это правительственное сообщение“» [Каноненко, 1995, 10].

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

¹ Обновленчество представляло собой раскольничье реформаторское движение в Русской Православной Церкви, которое при активной поддержке советских властей организационно оформилось в мае 1922 г. Преобладающая часть верующих была настроена к обновленцам враждебно, и это оказалось для них непреодолимым препятствием. Постепенно угасая, движение просуществовало до 1940-х гг.

В воскресенье 29 июня 1941 г. в Спасо-Преображенском соборе впервые был отслужен молебен Спасителю и Божией Матери о даровании победы Советской армии. В этот же день было положено и начало сбору добровольных пожертвований на оборону. Настоятель храма, управляющий епархией протопресвитер Алексей Абакумов, обратился к прихожанам с речью: «Коварный враг вероломно напал на наше отечество, намереваясь поработить землю Русскую и обратить в ничто многолетние труды ее обитателей. Огнем и мечом угрожает он нашим городам и селам, смертью устрашает сопротивляющимся, узы рабства готовит свободолюбивым сынам нашей Родины. Со дерзновением восстанем против злых умыслов неприятеля, не перестанем умолять Господа о даровании победы Красной Армии и живым делом помощи откликнемся из стен нашего собора на призыв Правительства об общем сопротивлении врагу. Пусть сегодняшний день, день коленопреклоненной молитвы пред алтарем Господним, будет началом Вашего церковного служения Родине. Всякая перевязанная Вами рана, лекарство, купленное на Ваши жертвы, — да послужит оправданием веры Вашей от дел Ваших. Постоянно молитесь за мать свою Родину, за Церковь Православную в ней добре хранимую, и Господь пошлет нам победу над коварным врагом» (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 4–5).

Верующие тепло восприняли призыв престарелого пастыря. На известие о войне регент хора, комендант собора Александр Федорович Шишкин (в то время студент дирижерского отделения Ленинградского музыкально-педагогического института) отозвался сочинением в конце июля талантливого произведения для церковного хора (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 13). Этот концерт одобрил известный церковный композитор В. А. Фатеев, умерший во время блокады. При первом исполнении произведение не было допето до конца, так как, по свидетельству М. В. Долгинской, все хористы плакали. В дальнейшем в годы блокады концерт часто исполнялся в соборе, в том числе нередко по просьбе прихожан, сосредоточивая их помыслы на мольбе ко Господу о даровании победы над врагом.

Вскоре после начала войны вступили в ряды действующей армии многие сборные служащие — В. Малявичев, П. Киянов, А. Челпанов и другие. 23 июня был призван на Балтийский флот младший по возрасту клирик собора — 35-летний диакон Иоанн Долгинский. Уходя на фронт, он взял врученный ему в благословение образок целителя Пантелеимона на шелку, работы монахов Афона. С этой святыней, зашитой в клеенку, заменявшей ему нательный крест, он прошел всю войну и дважды — на море и на береговых позициях у Кировского завода — был спасен от верной смерти. В редкие случаи увольнений краснофлотец Долгинский приходил помолиться в Спасо-Преображенский собор. С 5 июля 1942 г. он, продолжая службу, некоторое время состоял членом приходского совета храма. После контузии о. Иоанн вернулся на свой корабль и в дальнейшем был награжден орденом Красной Звезды, медалями адмирала Ушакова и «За оборону Ленинграда».

В своем очерке 1943 г. «Православные обновленцы г. Ленинграда в дни Отечественной войны» А. Ф. Шишкин так писал о первых ее месяцах: «Будни военного времени проходили в Преображенском соборе, как и в других церковных организациях г. Ленинграда, довольно однообразно. Но, взглядываясь в приходскую жизнь, нельзя было не подметить того особенного настроения, которое отражало господство единой, всеподчиняющей мысли: „Идет война! Помни о войне! “. Внешние краски соборной жизни с наступлением войны заметно потускнели. Лик собора стал сосредоточеннее, суровей. Внутренний режим приходской жизни резко изменился. Ответственность за поведение служащих, за выполнение ими служебных обязанностей повысилась. Каждое мероприятие пропусклось неизменно через призму законов военного времени. Духовенство сосредоточивалось отныне на вопросах патриотического воспитания верующих» (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 6).

5 августа 1941 г. приходской совет сделал первый денежный взнос в 60 тыс. рублей на оборону страны. В этот день исполнительный орган «двадцатка» написал инспектору сектора административного надзора Ленгорисполкома А. В. Татаринцевой

о своем решении: «Перечислить означенные средства на текущий счет Красного Креста и Красного Полумесяца в помощь раненым Отечественной войны 41 г. и просить Вас оказать помощь 20-ке в осуществлении намеченной цели. Кроме сего, 20-ка взяла на себя обязательство, сократив все ненужные расходы по собору, ежемесячно, не считая указанной суммы, перечислять на текущий счет Красного Креста всю наличность средств, кроме сумм, необходимых на содержание собора и организацию богослужений, что выразится в среднем от 15 до 20 000 рублей ежемесячных отчислений. 20-ка согласна также сдать все серебро в означенный фонд» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 79. Л. 7).

Следует отметить, что общие расходы приходского совета в августе составили 87 200 руб. и, таким образом, пожертвования на нужды обороны составили три четверти их. В следующие месяцы взносы на счет Красного Креста продолжались: в сентябре они составили 12 тыс. рублей, в октябре — 20 тыс., а в ноябре 1941 г. — 50 тыс. рублей. Кроме того, прихожане и служащие собора изготовили 25 печей для лазаретов города, пожертвовали им около 100 полотенец, бинты, теплые вещи. Особенно большая помощь была оказана больнице им. Веры Слуцкой и госпиталю в Петропавловской крепости. Позднее различным учреждениям (милиции, плановому отделу и др.) выделялись свечи и масло для освещения (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 67. Л. 58–61).

Патриотический характер носил и храмовый праздник «преображенцев» — 19 августа 1941 г. События на фронтах развивались в этот период неудачно для советских войск. И в день праздника прихожане молились о защите города. Настоятель о. Алексей, приглашая верующих к молитве, заговорил с ними на тему «Господи, хорошо нам здесь быть». Слово настоятеля было простым, немногословным и доступным для понимания. Содержание его сводилось к уяснению того, что Русское отечество, его города и села, его власть, его люди, весь уклад политической, экономической, культурной и религиозной жизни в стране — представляет собою несравнимое преимущество перед «новым» порядком наступающих варваров, а потому каждому из богомольцев следует всемерно оберегать его и защищать. Праздник прошел по-военному скупно. Но храм еще был нарядным и светлым, с отмытыми к празднику стенами, с почищенным инвентарем, с теплом физическим и теплом в сердце каждого богомольца.

К началу войны в Спасо-Преображенском соборе находились три чтимых образа, входящих в число главных святынь Северной столицы. И весь период блокады перед ними молились верующие о спасении родного города и его жителей. Самой известной из этих икон был образ Спаса Нерукотворного, написанный знаменитым иконописцем XVII в. Симоном Ушаковым и поднесенный царю Алексею Михайловичу. От матери царицы Натальи Кирилловны икона перешла Петру Великому. В 1938 г. в храм была передана из Скорбященской часовни другая святыня — икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость с грошиками». Третья чтимая икона — Божией Матери «Всех скорбящих Радость» поступила в Преображенский собор в 1932 г. после закрытия Скорбященской церкви на Шпалерной ул.

В связи с угрозой авианалетов прихожане начали готовиться к защите собора от бомбардировок. «Двадцатка» во главе с председателем Е. Д. Балашевой позаботилась об устройстве в здании надежного укрытия, подвал собора был очищен, разделен на отсеки, устроены уборные, проведен водопровод, сделан запас медикаментов, перевязочного материала, налажено освещение. В начале июля бомбоубежище осмотрела комиссия районного МПВО, и тут же на имя коменданта собора стали поступать наряды на прикрепление к укрытию живущих поблизости граждан и их детей. Позднее в делах собора сохранялось несколько таких нарядов за подписью начальника МПВО Дзержинского района Измайлова и начальника штаба МПВО майора Карабицына, например наряд от 4 июля 1941 г. на прикрепление 39 человек по дому № 5 (Манежный переулок), наряд от 5 июля на прикрепление 80 человек по домохозяйству 118 (ул. Рылеева), наряд от 6 июля на прикрепление 100 чел. по дому № 3 (ул. Рылеева) и т. д. Всего было прикреплено около 500 человек (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 12–13).

Вечером 8 сентября фашистские самолеты впервые обрушили свой смертоносный груз на город, и с того дня активные бомбардировки непрерывно продолжались три месяца. Соборное бомбоубежище стало ежедневно наполняться людьми. Сформированное из церковнослужителей отделение МПВО по сигналу тревожной тревоги выставляло наблюдательные посты на колокольне, внутри храма, в ораде и у бомбоубежища. Поскольку бомбежки продолжались по многу часов, в укрытии были устроены нары для лежания на 150 человек, а с наступлением холодов поставлены печки-буржуйки. Температура в помещении поддерживалась не ниже 10–12 градусов, всегда можно было получить кипяток. Бомбоубежище дважды в день проветривалось, тщательно убиралось, посыпалось свежим песком, дезинфицировалось. В нем часто оставались ночевать прихожане, которым было далеко добираться домой после вечерней службы.

Особенно сильные бомбардировки прилегающих к собору кварталов пришлось на конец ноября 1941 г. Было разрушено несколько близлежащих домов, а в соборной ораде потушено около десяти зажигательных бомб. Наконец, 26 ноября бомбы упали совсем рядом с храмом. А. Ф. Шишкин так позднее описал это событие: «Храм покачнулся, снарядные осколки поранили его наружные стенки, воздушная волна сорвала замок с покойницкой собора (часовня), распахнула железную дверь и, раскрыв гробы покойников, горячими осколками впиалась в тела умерших. Храм выдержал, но «ослеп», как «ослепли» и все окружающие его дома. Более сотни оконных переплетов, несмотря на плотные деревянные щиты, обитые железом, остались без стекол. Со звоном летели они на крышу и внутрь собора. Дежуривший на колокольне сторож Кузьмин Николай только чудом удержался на крыше, ухватившись за купольную балюстраду. Воздух наполнился гулом разрушения. Небольшие отклонения бомб влево — и от произведения Стасова остались бы, быть может, одни руины. Господь сохранил собор, а сидевшие внизу, в бомбоубежище, ощущали в это время глухие толчки, не зная, что происходило над ними, до конца тревоги» (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 17).

Всю ночь потом сотрудники собора очищали храм от осколков, стараясь привести его в порядок к утреннему воскресному богослужению. Утром же за Божественной литургией протоиерей Петр Георгиевский, указывая богомольцам на зияющие оконные проемы, сказал: «Вот вам, православные русские люди, доказательство немецкого варварства!.. Не откладываете помощь на завтра, когда враг одолевает нас сегодня. Не раздумывайте о видах и размерах помощи. Несите ее, кто, как и чем может...» (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 18). Со слезами на глазах внимал народ словам пастыря, а через несколько дней соборная администрация перевела на нужды войны еще 40 000 рублей. К вечеру воскресного дня оконные переплеты храма были покрыты фанерой.

Священники и их паства в блокированном городе жили одной судьбой. Вокруг храмов существовали объединения людей, которые помогали друг другу выжить, выстоять. Так, автономно, без какого-либо существенного вмешательства городских властей, функционировала и община Спасо-Преображенского собора. В храме в отличие от большей части ленинградских зданий, действовали водопровод и канализация, было свечное освещение, с довоенных времен имелся некоторый запас топлива и строительных материалов для ремонта. Ими, не колеблясь, стали делиться с замерзавшими в соседних домах людьми. После временного прекращения бомбардировок убежище не было закрыто, там разрешили жить оставшимся без крова, и таким образом оно действовало до апреля 1942 г., когда почти все его обитатели эвакуировались на «Большую землю».

Всю самую страшную блокадную зиму 1941/42 гг. нуждающимся людям помогали деньгами, дровами, свечами, маслом для освещения и т. д. Из имевшегося в соборе запаса строительных материалов прихожанам выделяли фанеру, картон, чтобы заменить ими выбитые взрывной волной оконные стекла, доски для сколачивания гробов умершим родственникам, делали из железных листов печи для обогрева квартир.

Всего за зиму было выдано 240 листов железа, фанеры, стекла и картона, 30 кг свечей, почти 3 кубометра дров, 25 литров деревянного масла, около 5 кг гвоздей, 40 кг мела, 2 кг оконной замазки.

Несмотря на оказываемую помощь, люди умирали. Особенно тяжелые потери понес собор в первую блокадную зиму. Не отапливаемый, кроме подвала, он стал чрезвычайно холодным. «Винной» тому было само устройство храма: каменный пол, облицованные искусственным мрамором стены, огромный относительно объема здания купол. В конце 1941 г. слег настоятель протопресвитер Алексей Абакумов. 12 декабря он писал двадцатке: «Температура 38,8. Назначен постельный режим. К Воскресенью мне не встать. Не можете ли мне отпустить и прислать бутылку деревянного масла, чтобы не сидеть в темноте». Собор выделил о. Алексею и масло и 1000 руб. пособия. Но силы старца таяли, и 19 декабря он скончался. Расходы на похороны собор взял на свой счет (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 22). В январе 1942 г. скончался протоиерей Петр Георгиевский (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 61. Л. 25–26). Также в начале 1942 г. скончался от голода еще один протоиерей — Иоанн Громов.

Зиму 1941/42 г. из 100 соборных певчих пережили лишь 20. Первыми от голода погибали мужчины, в их числе и помощник регента Иван Лебедев. 28 декабря он писал: «Я, можно сказать, понемногу умираю. Силы мои подорвались. Я сейчас лежу. Одни кожа и кости. Сидим несколько дней на одном хлебе. Конечно, все теперь так существуют, но хочется жить... Со мной вместе голодает жена, дочь и девятилетний внук, отец которого на фронте. Нет ни продуктов, ни денег. Спасите жизнь». Лебедеву было выдано 300 рублей, но спасти его не удалось.

Один из певчих, Евгений Радеев, писал администрации собора 18 января 1942 г.: «От всей души и сердца благодарю Вас за присланные с Лавровым 150 руб. и кусочек хлеба... Вы спасли меня от смерти. Самочувствие мое стало лучше. На Ваши деньги я купил дров на рынке». Несмотря на оказанную помощь, Е. Радеев скончался, но он «до самой кончины верил, что будет здоров и послужит еще советскому искусству». К лету 1942 г. умерли председатель приходского совета Е. Д. Балашева и десять служащих: завхоз Н. А. Косарева, водопроводчик Н. И. Ровбель, уборщица Т. Аканина, дворник Д. И. Савжило, сторожа В. Ф. Феофанов, И. Я. Морозов, С. Н. Николаев, Н. В. Феофанов, Е. В. Феофанова, Е. Ф. Вольнохова. В 1943 г. А. Шишкин отмечал в своем очерке: «Соборные и сейчас помнят предсмертные слова соборного сторожа 86-летнего старика Феофанова Василия, бодро прожившего период бомбежки и много потрудившегося в деле охраны собора. „Не унывай, старуха, — говорил он жене, — поживем еще. Побываем с тобой и на Смоленщине (он уроженец Смоленской области). Разобьют наши немцев. Вот бы мясца покушать“. Ему обещали. Он уснул... и больше не проснулся. Скоро за ним убралась и старуха» (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 21–23).

Однако многим помощь общины, составившая за первый год войны 31 509 рублей, все же сберегла жизнь. Так, певчий А. Галузин 3 октября 1941 г. обращался к двадцатке: «Прошу Вас — помогите мне, сколько-нибудь. Я нахожусь в ужасном положении. У меня нет на зиму ни сапог, ни пальто, ни одежды. Неужели я погибну? Мать больна, лекарства купить не на что. Прошу Вас — не дайте погибнуть. Помогите выбраться из ужасной пропасти». Ему было выделено 250 рублей. Впоследствии Галузин ушел добровольцем в армию. Удалось спасти и певчего П. И. Большева. 10 января 1942 г. он писал: «Я третий день как слег в постель и не могу совершенно встать. Думаю, чувствую, что так и кончу свою жизнь на этом. Ни денег, ни вещей у меня нет... Положение мое ужасное. Помогите. Жить еще хочется». Певчому было оказано пособие в 300 руб. После выздоровления Большев поступил в красноармейский ансамбль песни и пляски, работавший в прифронтовой полосе, получил знак «Отличника» и медаль «За оборону Ленинграда». Один из служащих собора В. Малявичев, ушедший на фронт, был ранен в висок и лишился правого глаза. В госпиталь, где он находился, 14 декабря 1941 г. была послана посылка, на которую последовало благодарственное письмо: «Примите от меня великое красноармейское спасибо. Очень

тронут Вашей заботой... Спасибо всему административному органу 20-ки. Красноармеец Малявичев». После лечения он вернулся в свою часть (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 21–22).

Некоторые выжившие в первую блокадную зиму певчие собора стали служить в войсках ПВО, в том числе женщины. Так, упоминавшаяся жена диакона Иоанна Долгинского Мария добровольно пошла служить в ПВО весной 1942 г., командовала зенитной батареей, потом была заместителем командира взвода саперной роты, работавшей в очагах поражения: разбирали завалы, выносили раненых, вывозили трупы на Пискаревское кладбище. После войны Долгинская пела в хоре кафедрального Николо-Богоявленского собора, являлась помощником регента, и кроме ордена Великой Отечественной войны II степени была награждена церковным орденом святого князя Владимира III степени [Каноненко, 1995, 10].

К весне 1942 г. из шести членов предвоенного клира в Преображенском соборе осталось лишь двое — протопресвитер Павел Фруктовский и протодиакон Лев Егоровский. Оба они жили на очень большом расстоянии от храма: настоятель на Васильевском острове, у Смоленского кладбища, протодиакон же — за городом, в Парголово. Но даже в самую тяжелую пору они ежедневно служили в соборе. Временами они уже не имели сил возвращаться домой и ночевали в едва обогреваемом подвале. В этом же подвале, который до войны использовался лишь для хозяйственных нужд — там пекли просфоры и делали свечи, — пришлось поселиться и коменданту собора А. Шишкину. Он четыре месяца не получал продовольственных карточек и выжил только благодаря помощи приходского совета.

В ходатайстве прихожан осенью 1943 г. о награждении П. Фруктовского медалью «За оборону Ленинграда» говорилось: «...в зиму 1941–42 г., когда отсутствовало трамвайное сообщение, а живет отец Павел от собора 15 км, он, опухший от недоедания, в возрасте 65 лет, ежедневно посещал собор, он был единственный священник, временами он приходил на службу совсем больной и домой уже не мог возвращаться и ночевал в холодном соборе». Много месяцев отец Павел обслуживал приход на пределе физических возможностей: он один и литургисал, и исповедовал, и отпевал, и крестил, совершая все требы. При этом он неустанно воодушевлял в своих проповедях прихожан «на терпение и переживание трудностей города-фронта и призывал к активной помощи красным воинам в труде и внесению свободных денег на оснащение техникой Красной Армии. Благодаря молитве и проповеди о. Павла прихожане собора собрали в фонд обороны больше миллиона рублей» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 61. Л. 132).

Весну 1942 г. Спасо-Преображенский собор встретил со значительно сократившимся количеством священно- и церковнослужителей. Но его община выстояла, были приняты меры к пополнению «двадцатки» новыми членами вместо умерших и эвакуированных. В марте 1942 г. новым председателем приходского совета был избран инспектор-консультант треста столовых Приморского района В. Д. Петров. В это время верующие активно занимались ликвидацией очагов возможной эпидемии — накопившегося за зиму мусора и нечистот. Прихожане собора провели огромную работу по очистке площади Рылеева и прилегающих участков улиц, закончив ее к Пасхе. Был проведен и частичный ремонт храма: сняты наружные щиты в оконных проемах, вставлены выбитые взрывной волной стекла, смыта образовавшаяся за зиму копоть, вычищена утварь, приведена в порядок ризница и др.

Ночное Пасхальное богослужение 1942 г. в Преображенском соборе, как и в других храмах города, в целях безопасности было перенесено на утро 5 апреля. Праздничное богослужение прошло торжественно при переполненном храме. По-особенному звучало в этот день слово Иоанна Златоуста, прочитанное настоятелем собора о. Павлом Фруктовским (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 28).

В апреле служащим собора выделили для устройства огорода участок земли площадью около 100 м², и они начали усердно возделывать его, кормясь в течение всего лета своими овощами. Более остро стояла проблема топлива, так как общине

не выделили участка для заготовки дров, а на рынке они стоили чрезвычайно дорого. Тогда церковнослужители стали выезжать на места рубки леса, где дрова продавались дешевле, и самостоятельно привозить их к храму, распиливая затем у собора. В этих целях община приобрела тележку, набор пил, колунов и топоров. Кроме того, позднее было закуплено оборудование для производства свечей, и в подвале храма была устроена мастерская. Вначале «двадцатка» пригласила мастера, а потом ее члены сами стали производить свечи. Не отказывала община и в изготовлении свечей для других храмов из воска, который по государственным расценкам выделяли городские власти.

Продолжали ленинградские обновленцы и свою патриотическую деятельность. В апреле и мае они внесли на Красный Крест по 40 тыс. рублей. «Оборона страны встала на первое место, — писал 15 августа 1942 г. инспектору административного надзора А. Татаринцевой А. Шишкин, — далее шла забота об организации богослужения, как основной цели аренды храмового здания, затем — содержание храма, содержание самого аппарата служащих и, наконец, на последнее место отошла приходская посильная помощь нуждающимся». В соответствии с этим был перестроен и бюджет собора. За период с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1942 г. «на участие в Отечественной войне» пошло 34% всего расхода (222 тыс. руб.), на организацию богослужения — 29% (190 256 руб.), на содержание храма — 19% (125 132 руб.), на содержание аппарата служащих — 13% (94 250 рублей) и на приходскую помощь людям, оказавшимся в тяжелом положении в связи с блокадой города, — 5% (31 509 руб.). Кроме того, различным городским организациям и частным лицам была оказана помощь материалами (полотенца, бинты, печки, свечи, доски и др.) на сумму около 70 тыс. рублей (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 61. Л. 57–61).

Во второй половине 1942 г. община по мере сил продолжала делать патриотические взносы: в августе в фонд Красного Креста было перечислено 28 тыс. рублей, в сентябре — 12 тыс., в ноябре на покупку подарков бойцам Советской армии пожертвовано 6 тыс., в фонд обороны — 14 тыс. и, кроме того, было изготовлено 30 полотенец для госпиталей.

Живой пример жертвенности подавал прихожанам протоиерей Лев Егоровский, у которого на фронте погиб единственный сын Игорь, ушедший в армию добровольцем. Уже 2 октября 1941 г. он внес в фонд обороны 1 кг 160 г серебряных вещей, затем передал в местный ЖАКТ на армию часть своей одежды, а 4 января 1943 г. пожертвовал все свои сбережения — внес в сберкассу Дзержинского района 21 600 рублей наличными деньгами и 23 400 рублей облигациями. Заметка об этом была помещена в «Ленинградскую правду». И вскоре о. Лев получил персональную благодарственную телеграмму от Сталина: «Благодарю Вас, Лев Иванович, за Вашу заботу о Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии — И. СТАЛИН» (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 33). Это был единственный такой случай в Ленинграде за весь период войны.

18 января 1943 г. была прорвана блокада города, и прихожане Преображенского собора отметили это событие особым благодарственным молебствием (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 32–33). На следующий день после молебна была отправлена телеграмма на имя секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданова: «Дорогой Андрей Александрович! Духовенство и верующие православно-обновленческой общины Спасо-Преображенского собора в городе Ленинграде, одушевленные успехами героической Красной Армии в борьбе с немецким фашизмом, не находят иных средств для выражения своей огромной радости, как оказание ей, родной и любимой, реальной помощи в деле дальнейшего разгрома и уничтожения врага. Община жертвует на танковое вооружение Красной Армии Ленинградского фронта 100 000 рублей, из коих 70 000 переводим немедленно, и 30 000 рубл. не позднее 20/1 с. г. Да послужит эта скромная лепта к скорейшему уничтожению фашистских варваров. Верим, что справедливый суд Бога и народов не замедлит совершиться над злодеями за все их неслыханные преступления. Храни Вас Господи, любимый вождь Ленинградцев» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 61. Л. 108).

15 июня 1942 г. община подписала новый договор с представителем Ленгорисполкома на пользование зданием храма и его инвентарем. Но единственный оставшийся к этому времени в Спасо-Преображенском соборе священник едва справлялся со своей службой. Прихожане в 1942 г. неоднократно обращались с просьбой оказать содействие в рукоположении или направлении в Ленинград второго священника к проживавшему в Ульяновске первоиерарху Александру Введенскому, но он реальной помощи оказать не смог. Наконец, 24 февраля 1943 г. двадцатка вступила в переговоры с заштатным обновленческим протоиереем Сергием Румянцевым, занимавшим в то время должность председателя «двадцатки» патриаршего Князь-Владимирского собора. Он был приглашен на вакансию второго священника с тем, чтобы впоследствии занять и оставшуюся уже пять лет вакантной обновленческую Ленинградскую архиерейскую кафедру. 26 февраля о. Сергей ответил приходскому совету письменным согласием: «...обдумав все, пришел к выводу, что в данном случае Ваш зов является для меня Божьим зовом». 3 марта сектор административного надзора Ленгорисполкома удовлетворил ходатайство «двадцатки» о регистрации С. Румянцева, вскоре он был удостоен сана протопресвитера. Его кандидатуру на архиерейскую кафедру утвердил первоиерарх, который 4 апреля прислал С. Румянцеву телеграмму: «Предлагаю Вам немедленно прибыть ко мне в Ульяновск Радищева 103 для хиротонии во епископа Ленинградского» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 61. Л. 88, 101, 132).

Власти разрешили выехать ленинградскому протопресвитеру только в Москву, куда он вылетел 14 апреля. В столице 18 апреля 1943 г. и состоялась последняя в истории хиротония обновленческого «епископа», им стал Сергей Румянцев, женатый и имевший детей. В Московском Воскресенском соборе в Сокольниках его рукоположение во «епископа» Ленинградского и Ладожского с поручением управлять Ленинградской епархией совершили «архиепископ» Звенигородский Андрей Расторгуев и «епископ» Ташкентский и Среднеазиатский Сергей (Ларин). Следует отметить, что С. Румянцев был избран прихожанами, а не назначен сверху. Этот случай явился «лебединой песней» обновленческого брачного епископата (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 61. Л. 97).

22 апреля «епископ» Сергей вернулся в Ленинград и вступил во исполнение своих обязанностей. В этот день (четверг по Страстной седмице) прихожане тепло встретили в соборе нового «архиерея», и после окончания литургии он обратился к верующим с кратким приветственным словом, содержащим призыв к борьбе с общим врагом русского православия — немецким фашизмом. Уже 26 апреля «епископ» Сергей совершил хиротонию архидиакона Льва Егоровского во священника. Теперь в соборе священников стало двое, что позволяло совершать ежедневно раннюю и позднюю литургии.

27 апреля исполнительный комитет «двадцатки» обратился в сектор адмнадзора Ленгорисполкома с просьбой зарегистрировать С. Румянцева в качестве епископа, а Л. Егоровского как священника, разрешить изготовить штамп обновленческого Епархиального управления, приобрести для него пишущую машинку и пополнить архиерейскую ризницу Спасо-Преображенского собора за счет других православных храмов Ленинграда. Вскоре разрешение было получено, и Епархиальное управление начало функционировать (его секретарем стал А. Ф. Шишкин).

Накануне Пасхи «епископ» Сергей написал патриотическое обращение к ленинградскому обновленческому духовенству и мирянам (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 37). Пасхальные торжества 1943 г. проходили в соборе при необыкновенном скоплении богомольцев — прихожане обновленческих храмов Ленинграда не имели у себя архиерейских служб в дни Светлого Христова Воскресения с 1937 г. Поступления в кассу собора в эти дни были столь значительными, что в Светлую пятницу, 30 апреля, община храма перечислила в фонд обороны крупную сумму — 200 тыс. рублей (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 61. Л. 96).

В 1943 г., несмотря на то, что город обезлюдел и паства обновленцев сильно сократилась, их патриотические взносы увеличились. Спустя месяц после своей хиротонии,

21 мая, «епископ» Сергей Румянцев обратился с посланием к А. А. Жданову, опубликованным в «Ленинградской правде» (Ленинградская правда. 1943. 3 июня). Патриотическая деятельность прихожан Преображенского собора не оставалась без внимания властей. 3 мая 1943 г. председатель Дзержинского райисполкома Горбунов лично выразил А. Шишкину благодарность за пожертвованные суммы и попросил передать ее верующим.

Весна-лето 1943 г. стали последним периодом относительной стабильности обновленчества. 8 мая первоиерарх разослал «архиереям» различных епархий телеграмму: «В воскресенье 9/V предлагаю отпраздновать двадцатилетний юбилей Собора 1923 г. После литургии отслужите благодарственный молебен и передайте мое первосвятительское благословение духовенству и мирянам, дабы вся церковная жизнь епархий точно и неизменно основывалась на принципах великого Собора 1923 года. Надо всегда помнить, что мы, православные обновленцы, твердо сознаем свое обновленческое достоинство» (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 38–39).

Получив телеграмму, ленинградские обновленцы торжественно отпраздновали юбилей (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 39–40). Даже отмечая юбилейные даты внутрицерковной жизни, священнослужители старались увязать праздник с Великой Отечественной войной, еще раз подчеркнуть необходимость борьбы с фашизмом. Было принято решение не упускать ни одной важной исторической даты для напоминания верующим об их долге перед Родиной, о необходимости молиться за нее и жертвовать на нужды обороны страны. 16 мая 1943 г. прихожане собора отметили две даты — годовщины со дня рождения композитора П. И. Чайковского (7 мая) и со дня смерти полководца А. В. Суворова (скончался 18 мая 1800 г.). Эти два имени в условиях войны воспринимались как символ национальной гордости и величия (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 41). По усопшим была отслужена панихида, литургийные песнопения в этот день исполнялись в музыкальном изложении П. И. Чайковского.

27 мая 1943 г. Ленинград отмечал 240-летие со дня своего основания. Днем церковной молитвы за жителей города на протяжении всей его истории был избран праздник Вознесения Господня 3 июня (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 42–43). Проводимые праздничные богослужения помогали собирать новые значительные средства на дело обороны страны. В начале июня прихожане подписались на II военный заем в размере 50 тыс. руб. и сразу же оплатили облигации (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 45).

Кроме того, служащие собора подписались на заем в размере двухмесячной зарплаты. В это же время, получив указание властей о необходимости подготовиться к возможной химической атаке на город, «двадцатка» провела значительную работу по переоборудованию бомбоубежища в соборном подвале в газоубежище. Были установлены герметичные двери, проведено устройство специальных печных конфорок и др. К счастью, химическая атака на Ленинград не состоялась.

Кульминацией патриотической деятельности соборной общины за время блокады стало общественное богомоление 22 июня 1943 г. по случаю второй годовщины Отечественной войны. Накануне, 21 июня, была отслужена всенощная, утром 22 июня — Божественная литургия с панихидой по умершим на полях сражений, а вечером — специальный молебен с акафистом Спасителю. Несмотря на воздушные тревоги, прихожане собрались в храме и перед иконой Спаса Нерукотворного молились о даровании победы Советской армии. В конце молебна «епископ» Сергей обратился к верующим с воззванием (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 46, 48).

В число первых церковных деятелей, награжденных в октябре-ноябре 1943 г. медалью «За оборону Ленинграда», вошли и представители обновленчества — «епископ» Сергей, протоиерей Лев Егоровский, комендант Спасо-Преображенского собора А. Шишкин и еще не менее четырех его церковнослужителей. В наградной характеристике С. Румянцева от 22 ноября 1943 г. говорилось: «Принимал активное участие среди верующих обновленческой ориентации в сборе средств в фонд обороны государства. Собрано и внесено на оборону около полутора миллионов рублей» (ЦГА СПб.

Ф. 7384. Оп. 38. Д. 123. Л. 127 об.). Общая сумма патриотических взносов ленинградских обновленцев за годы войны составила почти два миллиона. Интересно отметить, что в начале января 1944 г. «двадцатка» Спасо-Преображенского собора, как бы соревнуясь с Московской Патриархией, собиравшей в то время средства на танковую колонну «Димитрий Донской», внесла 125 тыс. рублей на танковую колонну «Ленинградский Осоавиахимовец».

После нормализации в 1943 г. отношений с Московским Патриархатом, в глазах советского правительства обновленчество утратило свою юридическую сущность. И вскоре начался массовый переход обновленцев в каноническую Русскую Православную Церковь. Общину Спасо-Преображенского собора этот процесс затронул не сразу. Летом и осенью 1943 г. приходская жизнь храма осуществлялась очень активно и не встречала какого-либо негативного отношения со стороны властей. В конце мая — начале июня на квартире «епископа» Сергия по указанию заведующего общим отделом Ленгорисполкома был установлен телефон, священнослужителям собора были выданы пропуска на право хождения по городу во время воздушной тревоги, по ходатайству С. Румянцева А. Ф. Шишкина (вновь ставшего исполнять обязанности председателя «двадцатки»), по состоянию здоровья годного к нестроевой службе, освободили от призыва в армию. Собору продолжали выделять воск и нитки для изготовления свечей по государственным ценам, за что приходской совет 18 июня выразил благодарность Ленгорисполкому.

15 июня комиссия в составе А. Шишкина, «епископа» Сергия, священника Льва Егоровского, завхоза Преображенского собора М. М. Дейниковской, трех его сторожей М. Г. Никифоровой, Н. Г. Никитиной, Н. Д. Строгановой и эксперта инженера-строителя ремонтно-строительной конторы № 1 РЖУ Дзержинского района обследовала храм для определения ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками, и составила специальный акт. Общая сумма ущерба была определена в 326 тыс. рублей: снарядами повреждена чугунная ограда, два раза выбиты стекла, осколками пробита крыша, повреждена штукатурка фасада и т. д. В конце июля «епископ» Сергей, представив в Ленгорисполком две телеграммы от А. Введенского (от 15 и 17 июля), смог получить разрешение от властей и слетать к первоиерарху в Ульяновск (ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147. Л. 57–59; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 76. Л. 153).

Престольные праздники Преображенского собора летом 1943 г. сопровождались особыми торжествами. Правый придел храма был посвящен прп. Сергию Радонежскому, имя которого носил «епископ» Сергей Румянцев. Он праздновал именины 5 (18) июля. Кульминацией этого дня стал благодарственный молебен с многолетием «ныне тезоименитому» управляющему епархией. Праздник Преображения Господня 6 (19) августа ознаменовался возведением за литургией «епископом» Сергием по указу первоиерарха священника Льва Егоровского в сан протоиерея.

Осенью 1943 г. обновленцам даже удалось увеличить количество священнослужителей. 30 августа «епископ» Сергей обратился к инспектору А. Татаринцевой с просьбой зарегистрировать при соборе в качестве диакона бывшего артиста Ленинградского оперного театра, а затем ансамбля песни и пляски Дома Красной армии Ивана Коваленко, и 3 октября, после получения согласия властей, И. Е. Коваленко был рукоположен владыкой во время литургии во диакона. 2 ноября С. Румянцев уже, ссылаясь на болезнь о. Льва Егоровского, просил Татаринцеву зарегистрировать в качестве сверхштатного священника при Преображенском соборе демобилизованного из армии по ранению инвалида войны, заштатного протоиерея Николая Алексеева, который 29 октября выразил свое согласие (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 67. Л. 117, 127, 136).

Сообщение о неожиданном приеме И. В. Сталиным в сентябре 1943 г. трех митрополитов — руководителей Московского Патриархата, вызвало у ленинградских священнослужителей-обновленцев чувство растерянности, но и одновременно надежды на равноправное примирение «двух частей» Русской Церкви. Состоявшийся всего через четыре дня после приема у Сталина Архиерейский Собор и выборы

на нем Святейшего Патриарха Сергия были встречены ленинградскими обновленцами первоначально в основном негативно и укрепили их руководителей в стремлении и дальше противостоять «староцерковникам».

И все-таки постепенно и в общине Преображенского собора началось все нарастающее движение за переход в Московский Патриархат. Так, например, 28 ноября 1943 г. свечной мастер Н. А. Нескушин покинул храм и ушел работать в Николо-Богоявленский собор. «Епископ» Сергий не смог удержать свою паству. Воссоединение принесшей покаяние общины Преображенского собора произошло 8–9 января — в Рождественские дни 1944 г. Указом митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского) от 8 января настоятелем храма был назначен настоятель Князь-Владимирского собора протоиерей Павел Тарасов. Первую литургию в Преображенском соборе отец Павел совершил в воскресенье 9 января. Торжественный молебен, который возглавил митрополит Алексей, завершил этот праздник церковного единства (ЖМП. 1944. № 2. С. 9, 35–36; ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 13. Л. 70). Так к полному снятию блокады города произошло объединение всех его православных общин в лоне канонической Русской Церкви.

Источники и литература

1. ЖМП (1944) — Журнал Московской Патриархии. 1944. № 2. С. 9, 35–36.
2. Каноненко (1995) — *Каноненко В.* Память блокады // Наука и религия. 1995. № 5. С. 10–12.
3. Левитин, Шавров (1978) — *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Кюснахт, 1978. Т. 3.
4. Ленинградская правда. 1943. 3 июня.
5. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 147; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 61, 67, 76, 79; Оп. 38. Д. 123; Ф. 9324. Оп. 1. Д. 5, 13.

Mikhail Shkarovsky. Community of the Transfiguration Cathedral of Leningrad in 1941–1945.

Abstract: By the beginning of the Great Patriotic war, the Transfiguration Cathedral was the main temple of the renewed Leningrad diocese. During the blockade of the city members of his community honestly performed Patriotic duty. They called people for military and labor feats, raised funds for wounded soldiers, the Defense Fund, etc. Many of the clergy of the Cathedral died of starvation. In April 1943, the Renovationists of Leningrad were headed by the “bishop” Sergey Rumyantsev. The message about Stalin’s reception in September 1943 of three metropolitans — leaders of the Moscow Patriarchate, caused a sense of confusion among the Leningrad Renovationists. Gradually, in the community of the Transfiguration Cathedral began all the growing movement for the transition to the Patriarchate. The reunification of the repentant community took place on January 8–9, 1944. By the complete lifting of the blockade of the city, all its Orthodox communities were United in the bosom of the canonical Russian Orthodox Church.

Keywords: Russian Orthodox Church, Renovatism, Transfiguration Cathedral, Great Patriotic war, blockade of Leningrad.

Mikhail Vitalyevich Shkarovsky — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Central State Archives of St. Petersburg, Professor at St. Petersburg Theological Academy (shkarovs@mail.ru).

Sources and References

1. ZhMP (1944) — *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1944, no. 2, pp. 9, 35–36. (In Russian).
2. Kanonenko (1995) — Kanonenko V. Pamyat' blokady [Memory of the blockade]. *Nauka i religiya*, 1995, no. 5, pp. 10–12. (In Russian).
3. Levitin, Shavrov (1978) — Levitin A., Shavrov V. *Ocherki po istorii russkoy tserkovnoy smuty* [Essays on the history of Russian Church turmoil]. Künsnacht, 1978, vol. 3. (In Russian).
4. *Leningradskaya pravda* [Leningrad Truth], 1943, June 3. (In Russian).
5. TsGA SPb — Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Archive of St. Petersburg]. Fund 4769. Inv. 3. Fol. 147; Fund 7384. Inv. 33. Fol. 61, 67, 76, 79; Inv. 38. Fol. 123; Fund 9324. Inv. 1. Fol. 5, 13. (In Russian).